

Библиотека
путешествий
и
приключений

НИКОЛАИ
ЧЕРНЫШЕВ

ЗАПАДНЯ

Выпуск 3

Пермское книжное издательство
Пермь-1959

Б И Б Л И О Т Е К А

ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Н. ЧЕРНЫШЕВ

ЗАПАДНЯ

В самых далеких уголках нашей Родины, в пустынях, в горах, в глухой тайге — всюду можно встретить геологические экспедиции. Профессия геолога увлекательна, богата различными приключениями. Об одном таком приключении и рассказывает в этой книге научный работник Пермского университета, геолог Николай Исакович Чернышев.

...Студент-практикант Воронцов и мальчик Петя разыскали заброшенный медный рудник. Когда-то на территории нашей области таких рудников было очень много. Едва путешественники спустились в штольню, как произошел обвал, выход на поверхность был отрезан. Много часов провели пленники подземелья в темных старых штольнях, но не пали духом, искали и в конце-концов нашли путь к спасению. В этом им помог их верный четвероногий друг — пес Шерлок.

Художник Ю. К. Лихачев

Лет десять назад я, тогда еще студент-геолог, проходил практику в разведочной партии. Работали мы на юге Пермской области, искали медную руду. Ее добывали здесь в прошлом и позапрошлом веках. Но вот уже много десятков лет, как разработки забросили и забыли.

Руководителем и консультантом работ был профессор Николай Петрович Гаврилов. Когда мы начинали поиски, он был где-то на Северном Урале.

Дела наши шли неважно. Целый месяц мы безуспешно колесили по намеченным маршрутам и уже заранее представляли себе гнев нашего уважаемого, однако чересчур строгого и вспыльчивого «шефа». И все же судьба сжалилась над нами — медь была найдена! Но... честь этого исключительно важного для

нас открытия принадлежала, однако, не нам. Нашел медь прибившийся к партии молодой песик, которого все мы звали Джульбарсом.

Попал к нам Джульбарс случайно. Дело в том, что меня «общество» назначило завхозом, и вот во время одной из вылазок на базар за продуктами и произошла знаменательная встреча. «Чистых кровей» черная дворняга, судя по ее жалкому виду, давно не ела досыта. Запах сырого мяса, который исходил из моего вещевого мешка, неотразимо привлекал и завораживал пса. Он увязался за мной и сопровождал меня все десять километров до нашего лагеря. Безуспешно пытался я прогнать незванного спутника — он не обижался, только ненадолго отбегал в сторону, глядя на меня ясными и преданными глазами, а потом продолжал тянуться за мной.

Пес остался жить у нас. Он быстро подружился со всеми, но в маршруты ходил только со мной. Однажды, в конце рабочего дня, когда я уже собирался повернуть обратно в лагерь, я увидел, что Джульбарс усердно роется в небольшой промоине. На мой зов он не обратил никакого внимания. Я подошел ближе. И даже глазам своим не поверил — на дне промоины сияла изумрудная зелень медной руды.

— Медь! Джульбарс, ведь ты медь нашел! Пони-маешь ты, искал мышь, а нашел медь!

Мое радостное появление в лагере подняло дух у приунывших рыцарей молотка — моих товарищей. Джульбарса тут же перекрестили в Шерлока Холмса и наградили увесистым куском вареного мяса. Кто-то даже предложил возложить на него функции старшего геолога.

На следующий день к промоине были посланы рабочие, которые начали копать разведочные канавы и шурфы. Перед приездом Николая Петровича мы обнаружили еще два небольших месторождения.

Шеф приехал рано утром, когда мы еще спали безмятежным сном. Не совсем корректно, но вполне вразумительно он указал нам, что недопустимо так варварски расточать утреннее время, самое благоприятное для работы. После завтрака мы отправились в поле. Не буду подробно рассказывать, какое впечатление произвели на профессора плоды наших трудов. Одно скажу — мне тогда показалось, что они не нашли должного признания.

Поздно вечером состоялось производственное совещание. Оказалось, что профессор проживет у нас всего лишь два дня, что ему нужно спешно ехать на конференцию в Ленинград. Все, что предстояло нам делать, было подробно определено в инструкции, которую Николай Петрович оставлял нам.

— Ну-с, а вам, граф Воронцов, — повернулся он ко мне, сверкнув коричневой от загара лысиной, — поручается задание особой важности. Есть сведения, что в соседях у нас медная руда лежит на поверхности земли. Весьма любопытно!

Профессор подал мне письмо, написанное детским почерком. Я прочел:

«Дорогие товарищи геологи! Пишет вам ученик шестого класса Петр Груздев. Сообщаю, что в 25 километрах от нашей деревне, в лесу на Акулиной горе, мой дед Никита Митрофанович Груздев нашел холмы зеленого и синего камня. Он принес домой два куска и говорит, что это медная руда. Приезжайте к нам, мы покажем эту руду. Живем мы в деревне Степановке у кузницы».

— Разверните-ка карту, Воронцов. Смотрите, вот наш лагерь. Степановка километрах в семидесяти к юго-западу. Вот она где. Лесной массив имеется лишь на западе от этой деревни. Акулина гора скорее всего находится вот в этом районе. Обратите внимание, на подступах к этому месту расположено обширное бо-

лото, к тому же непроходимое. Я думаю, в деревне вам покажут, как через него пробраться. Когда же выйдете к месту, как следует осмотрите весь участок, опишите все, что заметите, отберите образцы и пробы. Завтра с утра отправляйтесь. В Степановке найдите себе помощника — один в лес не ходите. Все понятно?

На следующее утро я отправился в путь. Выйдя на шоссе и «проголосовав», устроился на грузовике, который шел в районный центр. Шерлок, сопровождавший меня, остался стоять посреди дороги. Но когда машина начала удаляться, он не спеша побежал по обочине вслед.

На базарной площади большого села довольно быстро удалось отыскать колхозника из Степановки. Ехать домой он собирался не сразу, и я улегся пока в тени забора на зеленый травяной ковер и с удовольствием задремал. А когда открыл глаза, то увидел своего четвероногого друга.

— Ну, видно, судьба нам с тобой, Шерлок, путешествовать вместе, — решил я. — Да и справиться ли мне без такого знаменитого специалиста по меди?

В Степановке я без труда нашел дом Груздевых. Во дворе меня встретила высокая черноволосая женщина с добрыми и чуть грустными глазами.

— Вам кого? — спросила она.

Узнав, что я бы хотел видеть Петра Груздева, женщина усмехнулась и сказала:

— Петьку? Насчет руды? Он нам тут про нее все уши прожужжал. Никому покою не дает. Вы проходите в избу, дед-то наш лучше расскажет.

Я прошел в избу. Ни в кухне, ни в комнате никого не было видно. Усевшись на лавку, стал ждать. Деловито тикали часы, в открытом окне игриво плескалась кружевная занавеска. Вдруг, глухо шлепая пятками,

вбежал русоголовый, с веснушчатым носом мальчик и, не поздоровавшись, полез на печь.

— Деда, вставай! Геологи приехали! Говорил тебе, что обязательно приедут. Да ну, вставай же!

На печи кто-то зашевелился, из-под тулупа показалось бородатое лицо. Дед подвинулся к краю печи и, опершись на локти, пристально поглядел на меня.

— Ты что, хороший человек, и вправду геолог будешь? Ишь ты, молодой какой. Ну, да это ничего — состариться всегда успеется. А я вот занедужил что-то. Ты уж прости старика, с печки-то я слезть не могу.

— Ты, деда, про руду... — вставил мальчик.

— Петька вам писал про зеленый камень. Я так думаю, что это медная руда. Да это и точно. Еще мой дед рассказывал, что в том месте помещика Осокина прииск был. Богатый. Только дорога туда никудышная — угоры да овраги, и болото страшное. Сказывают, продал Осокин свое хозяйство, с тех пор его и забросили. Да-а... Вот о зеленых кучах дед не рассказывал. А места те хорошо знал — всю жизнь охотой занимался. Я-то эту диковинку впервой лет двадцать назад увидел. Да как-то мне это ни к чему было. А внук-то мой, как узнал про эту самую медь, пристал: принеси да принеси. Я и принес, а он сразу написал в город. Вот так-то. Ну-ка, Петя, принеси руду.

Мальчик сбегал в сени и вернулся с двумя обломками руды, размером с кулак каждый. Судя по яркому цвету и большому весу, руда деду попалась богатая, меди в ней было процентов пятнадцать-двадцать. А ведь обычно в здешней руде всего два-три процента металла.

— Никита Митрофанович, — спросил я деда, — а как туда добраться?

Дед пожевал сухими губами, видно, соображая что-то. Потом начал объяснять:

— Пойдешь вверх по реке, по Черной речке то есть. Верст через двенадцать упруешься в болото. Тут подайся далеко вправо и иди по косогору на закат. Встретишь речку Каменку, она там слева выпадает. По Каменке спустись до устья. Здесь и будут эти кучи.

Развернув карту, я следил по ней, слушая наставления деда, и намечал карандашом предстоящий путь.

Оставалось найти провожатого, как требовал профессор. Но на мой вопрос, кого бы из местных жителей можно было попросить сходить со мной, старик только головой покачал:

— Оно, конечно, вдвоем в таком деле сподручнее, да вот, право, не знаю, что тебе и посоветовать. Народу-то праздного в деревне не найти сейчас. Самому мне невмочь — хворь одолела. Может, Петяшу с тобой послать? Большой уж парень-то. Пойдешь, Петя?

Мальчик, во все время разговора не спускавший с меня глаз, быстро и радостно кивнул головой. В этот момент вошла хозяйка избы. Петя кинулся к ней, начал уговаривать. Как и все матери на свете, она сначала была против. Но когда вступился и дед, махнула рукой — пусть идет.

Петя собирался недолго. К простому мешку он привязал старую опояску, и мешок сразу превратился в рюкзак. Положил в него два каравая хлеба, добрый кусок сала, два десятка сырых картофелин, несколько головок лука и щепоть соли, завернутую в белую тряпицу. Собирался он сам, и чувствовалось — не впервые. Приятно было смотреть, как он без суеты и беготни укладывает все необходимое.

Было уже три часа, но мы решили не ждать следующего дня и выйти в поход сейчас же. Переночевать дед посоветовал на полпути, в старом охотничьем шалаше у разрушенных сараев. От сараев же до старых

рудников, по его словам, можно было без особого труда пройти за день.

Итак, втроем (с нами, конечно, был и Шерлок) мы отправились в это путешествие. Июльское голубое небо было безоблачным, солнце припекало. Первые три километра шли по полевой дороге вдоль реки, через разноцветные поляны и шумевшие под ветром перелески. Петя шагал справа от меня и, взмахивая время от времени длинным прутом, рубил им, как саблей, попадавшиеся по дороге высокие стебли татарника. Шерлок шнырял между кустами далеко впереди. Временами он выбегал на дорогу и, удостоверившись, что мы идем за ним, снова пропадал в придорожных зарослях.

Спутник мой оказался разговорчивым и любопытным мальчиком. В первые же полчаса он успел рассказать все о себе и теперь донимал меня, засыпая потоком вопросов. Особенно его, конечно, интересовало, почему медь, которую мы ищем, когда-то добывали, а потом забросили. Я сам когда-то подробно выяснял этот вопрос, поэтому прочел ему целую лекцию. Петя слушал внимательно, рассказ, видимо, увлек его.

История и действительно была интересная. Лет сто тому назад пермская земля славилась своей первосортной «штыковой» медью не только в России, но и во всем мире. Три десятка медеплавильных заводов и больше пяти тысяч рудников было на территории нашей области. Площадь, на которой встречаются медные руды, очень обширна — она тянется стокилометровой полосой от Чердыни до Чернушки. Не удивительно, что медь здесь начали добывать еще с незапамятных времен. Крупные заводы появились в семнадцатом веке. Первый из них был построен возле Соликамска еще в 1640 году. Но вот ко второй половине прошлого столетия производство меди резко упало, а потом и вовсе прекратилось. Последний завод —

Юговской казенный — закрылся немногим больше пятидесяти лет назад.

— Все-таки, дядя Миша, я никак не могу понять, — снова начал Петя после небольшой паузы, во время которой успел сбить еще несколько «голов» воображаемого противника, — почему у нас медь сейчас не добывают? Ее ведь, наверное, еще много в земле осталось.

— Знаешь, брат, я и сам еще как следует не разобрался, почему здешнюю медь не добывают. Мне кажется, тут дело в том, что меди в здешней руде мало, хотя в общем-то запасы ее у нас в области колоссальные. Только лежит медь какими-то участками. Залежи-то часто с ваш огород размером. К тому же и пласт рудный больше полметра толщиной не бывает, а лежит он на глубине в двадцать-тридцать метров. Вот тут и попробуй сначала найти руду, а потом достать. Столько для этого земли надо перекопать, что медь втридорога обойдется.

— Значит, ее совсем добывать не будут? — разочарованно протянул Петя.

— Да нет! Наш профессор уверяет, что все равно будут. Только не так, как раньше, а совсем новым способом. Вместо шахт он советует бурить скважины, заливать в них под землю аммиачную воду. Эта вода растворяет медные соединения. Через некоторое время вода превратится в «жидкую руду», и ее можно будет выкачивать наверх, а потом извлекать из нее металл. Быстро и дешево!

— А эта вода не убежит под землю? — недоверчиво спросил мой любознательный собеседник.

— В том-то и дело, что не убежит. Почти всегда под пластом руды лежит глина. Она воду никак не пропускает. А сама руда рыхлая и с трещинами.

За разговорами мы не заметили, как кончилась полевая дорога, как рассыпалась она на множество

тропинок, что вели на покосы. Скоро затерялись и тропинки. Пришлось пробираться сквозь густые заросли высокой травы и кустарника. Идти стало трудно. Попадалось очень много крапивы, безжалостно обжигавшей лицо и руки. Шли молча — оба очень устали. К сараям, о которых говорил дед, подошли, когда начало смеркаться. Будь немного потемнее — проскочили бы мимо. Ведь настоящих сараев, видимо, здесь давно не было. Среди буйных зарослей валялось десятка полтора полусгнивших бревен. Лишь в одном месте сохранился угол сарая. Из старых досок был устроен покатый настил — он служил крышей. Внутри этого подобия шалаша, в который можно было пролезть только на четвереньках, из таких же досок был устроен пол, на котором была настлана отсыревшая, пахнувшая прелым сеном подстилка из листьев и травы.

После трудного перехода шалаш этот показался нам чудесным пристанищем, которое обещало великолепный отдых. Развести небольшой костер, вскипятить чай, открыть банку консервов и поужинать — все это заняло немного времени. Потом уютно устроились в нашем новом жилье, подстелив под себя телогрейки и укрывшись моей плащ-палаткой. Начал накрапывать мелкий дождик, под слабый шорох которого так приятно было засыпать, хотя он и не сулил для предстоящего похода ничего хорошего.

И вдруг Шерлок, улегшийся было у нас в ногах, громко залаял и завертелся на одном месте. Я бесцеремонно вытолкнул его на дождь, не поняв, однако, что с ним случилось. Но уже через минуту все стало ясно, пожалуй даже чересчур. Я почувствовал, что по лицу ползет какое-то насекомое. Попытался сбросить его, и тут же затряс рукой от нестерпимой боли. Петя в это время вскрикнул и выскочил из шалаша. Я выкатился за ним следом.

— Осы!

Положение создалось весьма печальное. Шалаш, в котором мы так хорошо устроились, был уже занят другими жильцами, которые не желали пускать квартирантов.

Дождь усиливался, но мы не решались возвратиться на свое ложе.

— Что же будем делать, Петро? Палатку расставлять — трава уж очень мокрая. Давай-ка сделаем так: заползем все-таки обратно, только очень осторожно, и будем лежать спокойно. Если они даже будут ползать по нам, будем мужественно терпеть и не подавать признаков жизни. А ты, Шерлок, не смей соваться в шалаш!

Возвращались в шалаш мы с большой осторожностью, прислушиваясь к гудению потревоженных ос. Их гнездо находилось, по-видимому, под полом, в ногах. Я вполз, лег и притаился. Осы, к счастью, уже успокоились и не атаковали непрошенных гостей. Вскоре и Петя так же осторожно водворился на прежнее место. Мы заснули и спокойно провели всю ночь.

Все было бы хорошо, но вот Петя под утро спросонок раздавил на своем лице осу и в тот же момент, даже еще как следует не проснувшись, на четвереньках выбежал наружу. Я не стал дожидаться, когда нас постигнет заслуженное возмездие за невинно погубленную душу, и выскочил следом, отделавшись всего лишь одним укусом в шею.

Утро выдалось хмурое, по небу плыли низкие темно-серые тучи. Трава от ночного дождя намокла. Настроение заметно испортилось. Не разогревая чаю, мы кое-как позавтракали и двинулись в путь.

Уже через несколько сот метров мы вымокли буквально по шею. К счастью, погода через некоторое время улучшилась, временами начало выглядывать

солнце, и трава быстро подсыхала, а с ней — и наше, подмокшее было, настроение.

К полудню мы добрались до болота, по указаниям деда повернули вправо от реки и начали подниматься по склону. Выйдя на ровное, густо поросшее лесом плато, пошли вдоль реки. Слева сквозь густую сетку стволов, веток и листьев была видна заросшая и заболоченная пойма. Это был очень хороший ориентир, так что нам не надо было прибегать к помощи карты и компаса.

Но вот, преодолев очередные заросли, я не увидел привычного склона к реке. Решив, что русло здесь делает небольшой изгиб, мы с полчаса двигались в прежнем направлении. Склона все не было. Резко повернули влево и шли еще минут двадцать, — ничего! Выходило, что мы заблудились.

Мой авторитет явно пошатнулся. Пришлось достать карту и задуматься. Мы, видимо, сильно уклонились вправо и далеко отошли от реки. Я очертил на карте примерный район, где мы находились, и предложил азимут прямо на устье Каменки.

Идти по азимуту в густом лесу оказалось трудным делом. Очень мешали упавшие деревья, приходилось либо обходить их, либо перелезать через них, а нередко и проползать под ними. Кроме сухих деревьев, лежа на своих растопыренных сучьях, представляли труднопроходимые преграды, встречались стволы, лишенные сучьев и лежащие прямо на земле. Сверху их покрывал мягкий светло-зеленый мох. Стоило стать на такое приветливое, но предательское бревно, как мы проваливались и ноги погружались в труху выше колена.

Особенно трудно было следить за тем предметом, на который брался азимут. Даже падая, я старался не выпустить из виду избранный мною ориентир — иначе он сразу же терялся в массе деревьев и кустов.

А падать приходилось чуть ли не на каждом шагу. Было смешно и в то же время одолевала злость.

Километров через пять, которые мы ползли, казалось, целую вечность, появился, наконец, склон к реке. Тут пришлось поломать голову — какая река перед нами. Если это Черная речка, то нужно идти вверх по ней, если же Каменка, — наш путь лежит совсем в другую сторону, вниз по течению. Карта на этот важный для нас вопрос ответа дать не могла: обе речки были так извилисты, что по этому признаку никак невозможно было определить, на берегу какой из них мы находимся.

Мой юный товарищ изрядно устал, поэтому мы решили сделать здесь большой привал с обедом. Петя помогал собирать хворост, а потом, взяв котелок, пошел за водой. Не успела его русая голова скрыться в кустах, нависших над рекой, как вдруг раздался удивленный и в то же время радостный возглас:

— Дядя Миша, идите-ка сюда! Руда!

Я поспешил на зов, но Петя уже бежал ко мне, держа в руке мокрые куски песчаника, на бурой поверхности которого ярко выделялись зеленые оспинки.

Да, это была медная руда. Но откуда она здесь взялась? Мы облазили все вокруг и убедились, что обломки руды встречаются только в русле реки. Было ясно, что песчаник принесен речным потоком откуда-то сверху, по-видимому, с тех куч, к которым лежал наш путь. Если так, то перед нами не Каменка, а Черная речка, и нам надо идти вверх по течению. У меня мелькнула мысль, что рудные кучи, по всей вероятности, уже неподалеку: песчаник, который мы нашли, был непрочный и не мог бы выдержать долгого путешествия.

Своими соображениями я поделился с Петей. Возбужденные находкой и близостью желанной цели, мы не стали долго отдыхать. Однако, несмотря на наш

энтузиазм, вверх по речке пришлось двигаться очень медленно. Этот путь оказался еще более трудным, чем через тайгу. Коренные берега реки сильно сблизились и были очень круты — по ним невозможно было идти. Продвигаться по руслу мешали густые заросли травы и кустарников, многочисленные завалы из упавших деревьев. Приходилось отдыхать через каждые полчаса — так утомительна была борьба со всеми этими препятствиями...

Вот и Каменка! У ее устья возвышались мощные толщи светло-серого песчаника, из-за которого, очевидно, эта речка и получила свое название. Передохнув немного, мы вновь двинулись вперед. Нарушая простейшие правила похода, все чаще и чаще стали припадать к холодной речной воде. Но чем больше пили, тем сильнее чувствовали жажду. Следов пребывания человека в этих местах не было видно. Зато часто встречались следы лосей, то и дело из-под ног с тяжелым хлопанием крыльев испуганно срывались и исчезали в лесу глухари и тетерева. Много раз попадались ночные хищники — совы, довольно уютно, подомашнему устроившиеся на ветках и близоруко моргающие круглыми желтыми глазами.

День подходил к концу. И когда стало казаться, что мы уже не в силах двигаться дальше, лес вдруг расступился. Перед нами открылось удивительное зрелище: на обоих склонах возвышались громадные холмы в виде усеченных конусов, густо заросшие мелким кустарником. Кое-где склоны не были прикрыты этим живым чехлом, и была видна то ярко-зеленая, то густо-синяя порода. Не трудно было догадаться, что перед нами те самые рудные холмы, до которых мы с таким трудом добирались целых два дня.

Несмотря на усталость и наступающую темноту, я сразу же начал осматривать участок. Оказалось, что куски медной руды, которые почти сплошь покрыв-

вали поверхность этих странных холмов, лежали впережку с кусками нерудного песчаника и твердой глины. Это говорило о том, что перед нами обычные отвалы. Однако в них было исключительно большое количество руды. Почему вместе с пустой породой выбрасывали в отвал богатую руду, — было совершенно непонятно.

Поблизости находились обвалившиеся и заросшие устья старых шахт и шурфов. В одном месте я обнаружил хорошо сохранившийся вход в штольню, замаскированный колючими ветками шиповника. Нижнюю часть прохода завалило осыпавшейся сверху землей. Из этой искусственной пещеры, сделанной нашими дедками более ста лет назад, тянуло прохладой и сыростью, — видимо, штольня уходила далеко под землю.

Я поднялся на вершину одного из холмов. Здесь была небольшая ровная площадка, от нее к горе тянулась высокая насыпь. Насыпь привела меня к полностью заваленному входу в штольню, которая была в два раза шире, чем предыдущая. Но в это время стало уже так темно, что пришлось бросить дальнейшие исследования.

Вокруг темнели силуэты вековых елей. Они как будто уснули, широко раскинув свои ветви-крылья. У подножья холма Петя развел костер и готовил ужин. В розовом дыму взлетали тысячи искр, иногда видно было, как уголек, вылетевший из костра, описывал в ночной мгле светящуюся дугу.

После ужина мы подложили в костёр сухих еловых веток и при ярко вспыхнувшем пламени установили палатку. Невзирая на большую усталость, я долго не мог заснуть. Стояла мертвая тишина. Слышалось только спокойное дыхание Пети да временами возня нашего четвероногого друга. Из головы не выходили мысли о холмах из руды, возле которых мы сейчас лежали. Что они сделаны человеком, — не бы-

ло никакого сомнения. Но почему такое большое количество ценного сырья было безжалостно брошено, в то время как к заводам возили за многие сотни километров даже бедную руду? Плохая дорога? Но ведь руду могли возить зимой, когда болото замерзает... Интересно было то, что раньше эти холмы, очевидно, не были зелеными. Никита Митрофанович говорил, что он слышал о каменных кучах, но не о зеленых. Здесь была какая-то загадка, которую нужно было во что бы то ни стало разгадать. С этой мыслью я и уснул...

Утро занималось свежее и безоблачное. Солнце стояло еще где-то за лесом, и вокруг лежали мягкие сырые тени. Лишь кое-где верхушки деревьев золотились на фоне светло-голубого летнего неба. Еловый лес обступил нас темной стеной, на которой выделялись синеватые сосны. На кромке леса высились две сухие ели. Одна из них была рыжевато-желтой, а вторая, сверху донизу покрытая мелким лишайником, отливала серебром.

Я снова начал внимательно изучать куски породы, лежащие на поверхности, стараясь понять, с какой целью они здесь были навалены. Рудные обломки состояли из песчаника и конгломерата, пронизанных медной зеленью, или, иначе говоря, землистым малахитом, и медной синью — азуритом. Очень часто на кусках породы виднелись отпечатки окаменевших растений.

Я стал рассматривать породу с помощью увеличительного стекла. Большинство зерен песчаника составляли полевые шпаты и кварц. Реже встречались черные и бурые рудные минералы и зеленый эпидот. В небольшом количестве, но довольно часто, были видны мелкие, красиво ограненные кристаллы циркона, гранита, рутила, анатаза, турмалина... Потом уже, когда эти песчаники исследовали в лаборатории под

микроскопом, оказалось, что в них было больше сорока разных минералов. Настоящий минералогический музей!

Каждая песчинка, или, иначе говоря, каждый обломок и кристаллик минерала, была принесена сюда сотни миллионов лет назад с древних уральских гор, которые разрушались ветром, водой, зноем и морозом. Прежде чем окончательно остаться в песчанике, кусок которого я сейчас держал в руках, песчинки проделали долгий и сложный путь. Их переносили с места на место ручейки, речные потоки, озерные и морские воды.

Среди песчинок, принесенных с Урала, было немало сбломков медных руд. Они накапливались в породах, рассеиваясь по большой площади. Много времени спустя, когда эти породы уже в виде твердого камня геологическими силами были подняты близко к поверхности земли, вода, которая просачивалась через песчаники, растворяла медные соединения и уносила медь с собой. Иногда подземные воды, насыщенные медными солями, встречали участки породы, благоприятные для выпадения меди. Так образовывались здешние медные руды.

Набрав целую кучу интересных образцов, я направился к разведенному Петей костру, от которого доносился аппетитный запах. Наскоро позавтракав, мы сложили наши пожитки в мой рюкзак. Петин мешок предназначался для образцов породы. Туго набитый рюкзак с вещами и продуктами Петя подвесил на ветку высоко над землей. Это, по его словам, должно было сохранить наши съестные запасы от лесных хищников.

В первую очередь мы решили обследовать штольню, вход в которую обнаружили накануне. До сих пор удалось осмотреть только отвалы; там же, в штольне, наверняка, можно будет увидеть самые за-

лежи медной руды. Я собирался совершить подземное путешествие один, а Петю оставить у входа, но он так горячо протестовал и так настойчиво меня упрасивал, что пришлось уступить.

Мы подошли к входу в штольню. Возле него росло несколько невысоких осин. Их серо-зеленые листья казались старыми. Поднялся ветерок, и осиновые листочки, висющие на длинных ножках, завертелись, замерцали, дружно зашумели, словно напутствуя нас. Я первым спустился в штольню, за мной последовал Петя. Мы дважды пытались позвать с собой и Шерлока, но он только виновато и жалобно скулил и вилял хвостом, а с места не двигался. Не вдаваясь в раздумье по поводу такого неожиданного поведения собаки, которая до этого не отставала от нас ни на шаг, мы махнули на нее рукой, решив не терять времени понапрасну.

Я двинулся вперед, освещая путь фонариком. Петя шёл в двух шагах позади. Штольня представляла собой искусственный тоннель шириной немногим меньше двух метров. Мы свободно шли в полный рост и лишь инстинктивно втягивали головы в плечи. Стены были из серого песчаника с редкими и тонкими прослойками темно-коричневой глины. На небольшой высоте от сухого и неровного пола почти от самого входа непрерывно тянулся слой руды толщиной в ширину ладони, местами увеличиваясь до полуметра. Небольшие прослойки руды встречались и над глинами.

Так мы прошли метров пятьдесят. Расстояние я определял, отсчитывая шаги. Но вот диаметр штольни уменьшился почти вдвое, двигаться стало все труднее. Пришлось вначале сильно сгибаться, а потом ползти на четвереньках. Теперь выработка проходила в крепком кремнистом песчанике. Стало понятно, почему так уменьшились ее размеры: в крепкой породе труднее было делать проход.

Устав двигаться в неудобном положении, мы легли на холодные камни и отдыхали в абсолютной темноте. Это безмолвие нарушали лишь глухие и частые удары собственного сердца. Во время одного из таких привалов я почувствовал, что земля подо мною вздрогнула, однако не обратил на это особого внимания. Но вот меня снова тряхнуло. Решив проверить, не показалось ли это мне, я спросил Петю:

— Ты не заметил, что земля трясется?

— Я и сам хотел об этом спросить, дядя Миша. Ходуном ходит — будто тяжелым чем-то по ней стучат.

В это время произошёл новый толчок, гораздо более внушительный, чем первые. С потолка посыпался песок.

— А ведь это, Петя, землетрясение. Не вовремя...

Внезапно мозг пронзила мысль о возможности обвала. Неприятный холодок зашекотал в груди.

— Давай-ка, Петя, полный назад! — крикнул я.

Мы мигом развернулись и быстро поползли к выходу. Я часто настигал Петю и натыкался на его ноги. Не знаю, продолжала ли вздрагивать почва под ногами. Мы так были взволнованы и так торопились, что не обращали на это внимания.

— Шире шаг! Шире шаг! — подгонял я своего товарища.

Скоро должна кончиться узкая часть штольни. Тогда можно будет встать на ноги — и бегом. Там и свет от входа видно...

— Нажимай, Петро!

Вдруг я налетел головой на ноги моего друга и тут же услышал его стон.

— Что случилось, Петро? Почему остановился? Ну, чего ты молчишь?

— Ушибся...

— Обо что? — я подполз к нему и упёрся в грудку каменных обломков.

Обвал! Вот это да!..

— Дядя Миша! Как же теперь? Как мы вылезем отсюда, а?

Я был так подавлен внезапно постигшим нас несчастьем, что долго ничего не мог ответить. Какой-то комок застрял в горле, голова пошла кругом. Однако и минутной слабости поддаваться было нельзя. Ответ мой прозвучал довольно твердо:

— Ничего, Петя, выберемся! Давай-ка попробуем разобрать завал.

Мы начали оттаскивать небольшие куски и глыбы. Действовать приходилось голыми руками, — геологический молоток здесь не годился, а других инструментов у нас не было. Работали молча. Я вынимал породу из обвала и передавал ее Пете, а он оттаскивал ее на несколько метров назад. Все это мы делали в темноте, ощупью.

Обвалившаяся кровля рухнула как раз в том месте, где штольня расширилась.

Я так увлекся, что не заметил, как ободрал в кровь пальцы. Боль мешала продолжать работу. Меня сменил Петя. Но он так же быстро вышел из строя, и мне вновь пришлось, преодолевая мучительную боль, оттаскивать камни. Не могу сказать, как долго мы ковырялись подобным образом, тщетно пытаясь выбраться на белый свет. В конце концов пришлось прекратить это явно бесполезное занятие. Все сравнительно мелкие обломки были убраны, и теперь дорогу преграждали громадные глыбы, которые мы не в силах были сдвинуть с места. Я попытался было дробить неумолимую преграду молотком, но вязкий песчаник не раскалывался на куски, а лишь слегка крошился.

Стало совершенно ясно, что мы замурованы под землей. В присутствии моего юного товарища я старал-

ся быть как можно спокойнее, но, честно говоря, это удавалось мне с большим трудом. Каково было моё состояние в эти первые часы несчастья, сильно ли я боялся за свою жизнь? Да, конечно, но гораздо больше меня мучило другое. Я не мог себе простить, что там, наверху, проявил слабость воли и согласился взять с собой Петю. Не имел я никакого права подвергать его жизнь риску. Ведь с самого начала было ясно, что под землю идти небезопасно. Будь Петя сейчас наверху, положение было бы совсем другое...

Что же все-таки делать, что предпринять? Нельзя же спокойно сидеть и чего-то ждать. Меня могут хватить не раньше чем дней через десять. Но допустим даже, товарищи догадаются, что со мной что-то случилось. Как они могут узнать, что мы сидим именно в этой штольне, а не в какой-нибудь другой? Даже если и узнают, что мы здесь, смогут ли они высвободить нас? Неизвестно еще, какая часть штольни завалилась — может быть, на всем участке от места, где мы находились, до выхода. А это без малого сто метров... При всех благоприятных условиях на проходку такого расстояния потребуется не меньше недели. Таким образом, в лучшем случае нам предстояло пробыть в плену под землей не менее двух недель! Сможем ли мы выдержать такой длительный срок без пищи и без воды? Как ни тяжело было, но приходилось признаться, что это, конечно, свыше наших сил. Неужели все-таки гибель? И как глупо!

Сильно приуныл и Петя, но он также старался сдерживаться.

— Что будем делать, дядя Миша? — спросил он тихо.

— Петрусь, не трусь! — сказал я как можно веселее. — Как-нибудь выберемся, хотя, нужно признаться, дорогой мой, что положение у нас незавидное. Ну, а если у самих ничего не выйдет, будем ждать,

когда товарищи вызволят. Они ведь обязательно хватятся нас и будут искать. Плохо, что еды у нас никакой нет. Что нам стоило захватить ее с собой! Да разве знали, что так получится... У тебя случайно не осталось что-нибудь в мешке?

— Сало только тут, я его не выложил.

— И молчишь, чужак! Ну-ка, давай сюда.

При свете фонарика Петя снял с плеч мешок и, развязав его, подал мне продолговатый кусок сала, завернутый в вафельное полотенце.

— Ого! Да здесь не меньше килограмма! Это же целый клад! Воду, я думаю, тоже найдем. Ну, теперь живем, Петро!

Мы решили продолжать осмотр штольни — нужно было во что бы то ни стало найти воду, да и время в поисках будет идти незаметнее. Но уходить от заваленного выхода очень не хотелось — казалось, что какое-то чудо может освободить нас из этого склепа. Превозмогая это гнетущее чувство, мы медленно ползли по холодным и шершавым камням. Ползли молча. Было слышно только шуршание нашей одежды, да в моем кармане постукивал перочинный нож, ударяясь о железную банку с фотопленкой.

Через несколько минут достигли места, где нас застало землетрясение. Это нетрудно было определить по выступу очень крепкой породы, выдававшемуся с левой стороны у самого дна. Отсюда я вновь начал осмотр и даже заставил себя снова записывать наблюдения.

Метров через тридцать штольня неожиданно расширилась и стала таких же размеров, какой она была вначале. Мы встали на ноги и пошли в полный рост. Это заметно подняло настроение. В стенах выработки опять появились тонкие прослойки руды, которые постепенно становились все значительнее. Скоро они слились в сплошной пласт, мощностью почти во всю

высоту штольни. Пройдя ещё немного, мы увидели, что уже вся поверхность выработки — стенки, потолок и даже пол — состоят из медной руды. Стоило включить свет, и вместо крошечной тьмы перед нами появлялся изумрудный тоннель, до того великолепный, что не хотелось отрывать глаза. Казалось, мы попали в какое-то волшебное царство. На время даже о своей беде забыли — так захватило нас это удивительное зрелище. Там, где луч фонарика разрывал вечную тьму подземелья, возникал ярко-зеленый бархат малахита, местами виднелся густо-синий азурит. Эта ярко окрашенная масса была усеяна мириадами мерцающих и переливающихся всеми цветами радуги блесток. Неравномерное освещение окрашивало руду в различные тона. В центре лучей малахит отливал каким-то желтым цветом, по сторонам он становился темно-зеленым и незаметно переходил в совершенно черное неосвещённое пространство.

Очень часто встречались окаменелые обломки стволов и веток. Одно дерево было захоронено целиком вместе с довольно густыми ветвями. Длина его достигала десяти метров, а обхват — более полуметра.

Пласт руды залегал почти горизонтально. Однако слои, из которых он состоял, были круто наклонены к горизонту. Это свидетельствовало о том, что породы образовались в результате деятельности речных потоков. Вода, перегоняя по дну реки массу песка, гравия и галек, образует из них высокие бугры, наподобие дюн и барханов, возникающих под воздействием ветра в пустынях. Реки существовали сотни миллионов лет назад, но благодаря наклонным слоям геолог может определить их величину, скорость течения. С большой точностью можно узнать направление этих древних потоков.

— А это что такое, дядя Миша? Как будто рыба, гляньте-ка.

— Верно, Петро, это на самом деле рыба. Такие интересные находки в этих породах встречаются очень редко. Давай-ка, попробуем ее выбить. Дай мне свой перочинный нож — мой уж слишком деликатен.

С помощью молотка и Петиного ножа я с большим трудом выдолбил найденный отпечаток рыбы. Правда, он раскололся на три части. Пришлось каждый обломок тщательно завернуть отдельно.

Все окружающее невольно заинтересовало не только меня, но и Петю. Мы медленно продвигались вперёд, пристально осматривая стены и потолок штольни, приглядываясь к каждой новой и интересной детали. Внезапно наш путь преградила куча камней, громождавшая, казалось, весь проход.

— Вот, черт, и тут обвал! Все, Петро, кончилось наше путешествие. Плакала наша водичка! Что же делать-то будем? Воду нам надо найти во что бы то ни стало... Придется рыть колодец — на глубине должна быть вода. Вот только рыть нечем.

Мы уже хотели возвращаться обратно, ближе к выходу, но, взглянув еще раз на верх преградившей нам путь осыпи, я заметил, что у самого потолка виднеется довольно широкая щель.

— Подожди-ка, Петя, тут что-то не так.

Я полез вверх, освещая себе дорогу лучом фонарика. Над обвалившейся породой образовалась похожая на купол полость, благодаря чему мне удалось проползти несколько метров вперед, до противоположной стороны обвала. Дальше путь был свободен. Через несколько минут мы перебрались через преграду и снова очутились в просторном коридоре. Однако вскоре опять показался тупик, и мы опять было приуныли. Но подойдя ближе, увидели, что от тупика в обе стороны уходили два тоннеля еще больших размеров, чем штольня, по которой проходил наш путь.

Вид этих тоннелей заставил учащенно забиться мое сердце. Я даже чуть не вскрикнул от радости. Сомнений не могло быть — подземные выработки соединялись между собою, и, конечно же, должен быть еще выход на поверхность кроме того, по которому мы вошли сюда и который так предательски за нами захлопнулся!

Я рассуждал примерно так. Та штольня, которую мы только что обследовали, была, очевидно, не эксплуатационной, а разведочной. По выработке такого диаметра, где приходилось продвигаться ползком, невозможно было доставлять руду из-под земли. И сейчас, и в старину, перед тем как разрабатывать месторождение руды, детально разведывают его. Разведку ведут при помощи скважин, которые бурят на некотором расстоянии друг от друга. Если руда находится неглубоко, вместо скважин пробивают шурфы и шахты. Если же рудное тело расположено недалеко от склона горы, прорывают разведочные выработки — штольни. Диаметр их, как правило, бывает меньше эксплуатационных штолен. Во время промышленной разработки месторождения обычно проходят еще многочисленные дополнительные штольни и ходы в разных направлениях, которые очень часто соединяются под землей друг с другом.

Таковыми обнадеживающими предположениями нельзя было не поделиться с товарищем по несчастью.

— Знаешь, Петро, мы с тобой, кажется, все-таки выберемся отсюда, честное слово, выберемся. Ну, если всё обойдется благополучно, будем злиться на мокрую траву и на крапиву?

— Только бы выбраться, в одних трусах по крапиве до самого дома добежал бы. А дождик мне теперь никакой не будет страшен. — Помолчав, Петя прустно добавил: — Про дождик начали говорить, и сразу пить захотелось.

В самом деле, несмотря на то, что воздух в штольне был прохладный и влажный, жажда давала себя знать все сильнее. Как-никак, мы находились в подземелье уже больше пяти часов.

Надо было решить, куда идти — вправо или влево. Я обратил внимание на то, что левая штольня имела небольшой уклон. Мне подумалось, что это признак того, что она направлена в сторону выхода. Решили идти влево.

Теперь, когда надежда на спасение казалась совсем реальной, пропало всякое желание вести наблюдения и производить записи. Я, конечно, старался успокоить себя мыслью, что продолжу исследования после того, как освобожусь из этого подземного плена. Но, по правде говоря, мне просто не терпелось как можно быстрее найти выход.

Мы шли, всё ускоряя шаги. Топот ног глухо разносился по подземелью, теряясь где-то вдали. Но вот штольню пересек новый коридор. Куда же теперь идти, и сколько еще таких развилок встретится впереди? Этак не мудрено и закружиться в сложном лабиринте. Нужно действовать продуманно и неторопливо.

Пришлось возвратиться к первому разветвлению, замерить азимуты штолен, измерить расстояние шагами и составить схему пройденного пути.

Мы решили вначале осмотреть все ответвления, идущие влево от основной штольни, так как, по моим расчетам, они вели в сторону склона, а не в глубь горы. Но сколько мы ни поворачивали в коридоры, идущие влево, каждый раз возвращались ни с чем — хода наружу не было. Вот снова встретили проход влево. Пройдя несколько метров, я направил луч фонарика на одну из стенок этого коридорчика и невольно отшатнулся — на нас уставилось какое-то огромное зубастое чудовище с длинной, как у крокодила, мордой. Петя в испуге схватил меня за рукав.

— Фу, чёрт, как напугало, чучело зубастое! Это же ископаемый звероящер. Ну и красавец! Зубов-то у него сколько! А когтищи-то!

Это был хорошо сохранившийся окаменевший скелет какого-то животного, жившего, наверно, более двухсот миллионов лет тому назад. Страшилище было около трех метров в длину и не менее полутора в высоту. Его длинная, как громадный пинцет, пасть была вооружена многочисленными острыми зубами различной величины. Массивные конечности завершались толстыми тупыми когтями. Ряд хвостовых позвонков его был не менее двух метров длиной.

Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы выдолбить этот крупный и исключительно ценный геологический документ. Ломать по частям такие окаменелости категорически воспрещается. В таких случаях рекомендуется сфотографировать или зарисовать встреченный экземпляр и, не трогая его, сообщить в какую-нибудь геологическую организацию или в Академию наук. Извлечением таких очень ценных для науки остатков занимаются специалисты-палеонтологи.

Я кратко описал и зарисовал нашу замечательную находку, после чего мы двинулись дальше, продолжая надеяться, что все наши неприятные приключения окончатся благополучно. Большей частью шли молча — разговаривать не было никакого желания. И только когда встречалось что-нибудь интересное, я принимался рассказывать об этом Пете, стараясь хоть немного отвлечь его от гнетущих мыслей. Нужно сказать, что держался мальчик молодцом. Только раз он с горечью в голосе заговорил о доме.

— Я несколько не боюсь, дядя Миша. Маму только сильно жалко. Нервная она с тех пор, как папу на войне убили...

— Брось, Петро, нос вешать, всё обойдется, —

попытался я успокоить его, хотя успокаивать было и нечем.

На пути наших блужданий встречалось много больших и малых штолен и проходов, но все они упирались либо в слепые тупики, либо в обвалы. Кое-где сохранились деревянные стойки крепления. Правда, стоило только задеть их пальцем, как они превращались в труху. Большая же часть выработок, видимо, была пройдена без крепления. Бросалась в глаза интересная особенность — где появлялись стойки, там неизменно встречались обвалы; там же, где крепления не было, стенки и потолки штолен были целы и невредимы. Это свидетельствовало о большом искусстве наших русских рудокопов. Они безошибочно определяли опасные участки и крепили их, для чего ставили две стойки и клали на них верхнюю перекладину. Впоследствии на закрепленных участках стойки сгнили и кровля обвалилась.

Все больше начинала мучить жажда и одолевать усталость. Во рту пересохло, а ноги налились свинцом. Мы было совсем уже собрались остановиться на отдых, но в это время встретили штольню, которая, как нам показалось, может вывести на поверхность земли. Метров через сорок от ее начала дорогу преградил завал. Осматривая эту очередную преграду, я обратил внимание на то, что в щель между камнями пробивается струя свежего воздуха.

— Смотри, как дует, Петя! Видимо, завал чепуховый, а за ним...

— Неужели выход, дядя Миша? Вот здорово!

— Давай-ка пробиваться. Обед и отдых перенесутся под звездное небо. Не возражаешь?

Петя, конечно, не возражал, и мы принялись разбирать обломки, забыв об усталости, которая минуту назад буквально валила нас с ног. Вначале, пока рас-

кидывали мелкие обломки, дело продвигалось успешно. Когда же пришлось сворачивать многопудовые глыбы, темпы резко сократились. Однако наши нечеловеческие усилия были в конце концов вознаграждены — отвалив очередную глыбу, мы, к неопишуемой нашей радости, увидели узенькую лазейку, образовавшуюся между стеной штольни и толстой плитой песчаника.

Оказалось, однако, что обрадовались мы преждевременно — пролезть через это отверстие ни один из нас не мог. Тогда были пущены в ход все имеющиеся у нас скудные средства. Работа не давала почти никаких результатов, но и бросить ее было просто невозможно — поток воздуха, струившийся из щели, пьянил, звал к действию. С неослабевающей энергией мы долбили камень молотком и скребли его перочинными ножами. Петя несколько раз пробовал протиснуться через узкую лазейку, но безуспешно. Вдруг он начал снимать с себя одежду.

— Ты что, Петро, вспотел, что ли? — попытался пошутить я.

— Сейчас я пролезу, дядя Миша! Вот увидите — пролезу!

Оставшись нагишом, Петя полез под плиту ногами вперед. Вот скрылась большая половина его тела. Он вытянул руки над головой и продолжал, извиваясь, ползти под нависшей над ним глыбой. Наконец скрылась и голова, видны были только вытянутые руки. Несколько раз мне казалось, что Петя застрял в каменных тисках, и я с тревогой спрашивал его:

— Ну как, Петро, подается?

Петя отвечал не сразу, тихо и односложно:

— Лезу.

Долгой показалась мне эта операция. И когда Петя как-то вдруг скрылся, а затем послышался его радостный голос, из груди моей вырвался облегчен-

ный вздох и рука невольно потянулась утереть взмокший лоб.

Я свернул Петину одежду, положив внутрь электрический фонарик, и рукояткой молотка протолкнул сверток в щель.

— Петя! В одежде — фонарик. Быстренько осмотри, куда ведет штольня. Только, пожалуйста, будь осторожнее.

Я присел, привалился спиной к холодной стене и стал ожидать возвращения моего товарища. Время тянулось убийственно медленно. Сейчас, когда делать было нечего, почувствовалась сильная усталость во всем теле, голова мучительно гудела, страшно хотелось пить. Стена холодила, но отодвинуться не хватало сил — я находился в каком-то полусонном оцепенении, кажется, даже задремал и очнулся только от едва слышного глухого Петиного зова:

— Дядя Миш-а! Где вы та-ам? Дядя Миша-аа!

Я с трудом подошел к лазейке, насколько мог просунул в нее голову и закричал в ответ:

— Как дела, Петро? Есть выход?

— Выход прямо — завален, но я дошел до какой-то широкой штольни, — доложил Петя.

Он объяснил, что из штольни, в которой мы сейчас находились, есть поворот вправо. Метров через пятьдесят от этого поворота он встретил новое ответвление в ту же сторону. Ответвление упирается в широкую выработку.

У меня мелькнула интересная догадка. Я спросил Петю, не встретил ли он что-нибудь особенное в большой штольне.

— Да вроде ничего, дядя Миша. Только там, у самого входа, левый угол осел, а больше ничего.

— Давай-ка сюда фонарик, бравый разведчик, и сиди на месте — сейчас приду к тебе в гости.

Переправив мне фонарик, Петя спросил, как я собираюсь добраться до него. Я еще раз наказал ему сидеть на месте и ни в коем случае никуда не отходить, а сам быстро двинулся к центральному тоннелю. Войдя в него, повернул влево и, освещая себе дорогу, устремился вперед. Мои предположения целиком оправдались — через несколько минут я был у входа в какую-то небольшую штольню, ведущую влево. У самого устья ее один угол обвалился, загородив почти весь проход. Не было сомнения, что именно до этого места и дошел Петя.

Я уверенно повернул в узкий коридор и несколько минут спустя уже освещал удивленного Петю.

— Как это вы попали сюда? — обрадовался он. — Как хорошо! Уж больно мне не хотелось опять пролазить в эту проклятую дыру. Всю кожу ободрал — прямо огнем горит.

Приподняв Петину рубаху, я увидел массу царапин и ссадин.

— Да, брат, здорово ты отделался! И смазать нечем. Как бы не разболелось... Ну, сядем обедать или попробуем воды поискать?

— Пить хочется — не до еды...

Войдя в главную штольню, мы продолжали свои исследования, которые теперь сосредоточились лишь на поисках желанной воды. Не знаю, что бы мы стали делать, если бы эти поиски неожиданно не увенчались успехом. Свернув в одно из ответвлений, я поскользнулся и чуть не упал.

— Эге! Госпожа водичка собственной персоной! Живем, Петро!

Я нагнулся и потрогал рукой землю — это был не песчаник, а глина, которая всегда плохо пропускает воду. Верный признак: где под водопроницаемым песчаником окажется пласт глины — там всегда будет и

вода. Вода! Для нас она была сейчас самым главным — от неё зависело, жить нам или не жить.

Шагов через десять захлюпало под ногами. Какой приятной музыкой казались нам эти звуки!

— Погоди-ка, Петя, отойди, не муги.

Я вынул из кармана жестяную коробку с фотоплёнкой, снял крышку и осторожно зачерпнул. Попробовал сам — вода была отличная. Казалось, что никогда еще не приходилось пить такого приятного и вкусного напитка. Не сходя с места, протянул крышку с водой Пете, потом еще, еще и еще...

Но вот, наконец, мы напились вволю и, странное дело, сразу почувствовали огромную усталость и ещё что-то. Ну, конечно же — мы были голодны! Часы показывали пять часов вечера, а у нас царствовала вечная ночь.

— Давай, Петро, отдохнем и пообедаем чем бог послал, а потом уж двинемся дальше.

Мы вышли на сухое место, расстелили вещевой мешок и приступили к первому обеду под землей. Я взял кусок сала и взвесил его в руке. Да, в нем было не меньше килограмма. Но ведь это очень негусто. Если и в самом деле нам придется томиться здесь дней десять, то этого куска будет маловато — меньше чем по пятьдесят граммов на душу в день! Одно немного успокаивало — могло быть и хуже...

— Давай, Петя, сегодня съедим по двойной порции — я все же думаю, что мы скоро выберемся отсюда. Ну, а если у нас ничего не выйдет, с завтрашнего дня сядем на голодный паёк. Согласен?

Отрезать ломоть сала граммов в двести и разделить его на две части — дело минутное. Ту часть, что наощупь показалась мне большей, я протянул Пете. Свою долю нарезал на мелкие кусочки, клал их по одному в рот и подолгу, не торопясь, жевал вкусную соленую массу.

— По ма-а-ленькому бы сухарику, — мечтательно протянул Петя. — А что если потрясти мешок, может, там крошки есть?

— Ты гений, Петро! Ну-ка, встань, мы его сейчас обработаем.

Мы стряхнули весь сор в один угол мешка и осторожно высыпали его на лист бумаги. Получилась небольшая кучка крошек. Я разгреб ее тонким слоем и старательно исследовал. Кроме хлебных крошек, здесь были кусочки бумаги, обломки сосновых иголок и прочий мусор, в том числе пара мертвых коричневых букашек. С большой тщательностью выбрали мы все посторонние частицы. Оставшиеся очищенные крошки разделили на две небольшие кучки. Одну из них еще разделили пополам. Взяли себе по четвертушке, а остальное завернули и оставили до следующего раза.

Поев, мы сидели молча. Темнота действовала особенно угнетающе. Но фонарик старались зажигать как можно реже, чтобы он раньше времени не вышел из строя.

Я подумал о Шерлоке. Что-то делает он там, наверху. Вспомнилось, как пес жалобно подвывал, когда его позвали под землю. Что он — трусил или, быть может, чувствовал приближение беды? Ведь животные много раньше людей узнают о начинающемся землетрясении. Мне уже начинало казаться, что в момент нашего спуска в штольню Шерлок и смотрел-то необычно — тревожно и предостерегающе. Сидит ли он до сих пор у заваленного входа в ожидании своих незадачливых и несчастных хозяев? Или почувствовал своим собачьим чутьем, что мы в безвыходном положении, и убежал домой? Но все равно в лагере не обратят на него никакого внимания и не догадаются, что мы бедствуем. Если бы знать, что с нами приключится такая оказия, можно было бы перед уходом под

землю написать записку и привязать её к ошейнику собаки. Если бы...

Неприятные мысли одолевали, очевидно, и Петю. Он первый нарушил долгое молчание:

— Дядя Миша, расскажите чего-нибудь, а то как в могиле...

— Что-то, брат, нет охоты рассказами заниматься, — неожиданно сорвался я с принятого тона...

Некоторое время мы еще сидели молча. Наконец я хоть и через силу, все же затеял разговор:

— Давай дадим названия всем примечательным местам, которые здесь встретили. Предлагай, как назвать тоннель, в котором нас завалило.

Петя согласился, и вскоре он первый предложил:

— Назовем эту предательскую штольню «Горлом дьявола».

— Неплохо! Ну, а ту часть, где был отпечаток рыбы, назовем «Малахитовым аквариумом», — сказал я, и Петя принял мое предложение.

Штольню, где нашли окаменелость древнего животного, Петя назвал «Логовом дракона». Выработку с водой, не помню уж по чьему предложению, нарекли «Живым источником». Лазейку, через которую Петя с таким трудом пробирался сегодня, по обоюдному согласию назвали «Мясорубкой».

Начала одолевать дремота, и тогда я решил продолжать осматривать этот своеобразный подземный город, утешая себя тайной надеждой, что ночевать мы будем уже не под землей, а на мягкой зеленой траве. Мы встали, собрали свои скудные пожитки и медленно зашагали вперед.

Большую часть времени шли без света. На короткое время я включил фонарик, осматривая ближайший участок пути, а проходили мы его в темноте. Потом снова на две-три секунды включался свет, и опять его сменяли полминуты непроницаемого мрака.

В один из моментов, когда на короткий миг пространство впереди нас осветилось, я вдруг увидел, что не больше чем в двух шагах от меня на нашем пути зияет огромная яма. С трудом поборов инерцию своего тела, мне удалось остановиться. Ноги дрожали: ведь стоило на долю секунды позже включить свет, и мои странствия в этом руднике бесславно окончились бы.

Оказалось, что мы находились в каком-то обширном помещении со сводчатым потолком. В центре этого своеобразного зала, диаметр которого достигал метров десяти, и находилась предательская яма. Кроме входа, по которому пришли мы, в противоположной стене зияло еще два.

Я осторожно приблизился к краю колодца и, подняв камень, бросил его вниз. Прошло около двух секунд, прежде чем послышался звук падения. Невозникало никакого сомнения, что это был всплеск, причем какой-то странный — глухой и с эхом. Повторив свой опыт, я понял, что там, внизу, к колодцу подходит один или, быть может, несколько коридоров, залитых водой. Выходило, что под нами есть еще один этаж штолен, но из них, видимо, не было выхода наружу, и руда по вертикальной шахте, у которой мы сейчас стояли, поднималась на верхний этаж, а отсюда вывозилась на поверхность земли.

Мы обошли зловещий провал и осмотрели замеченные нами два входа. Они были такого же поперечного сечения, как и штольня, которая привела нас сюда. В начале одного из коридоров были свалены полусгнившие принадлежности бывших горных работ. Здесь лежали развалившиеся тачки без колес, в беспорядке громоздились доски, бревна и остатки каната. Кое-где виднелись какие-то ящики на полозьях. Железных проходческих инструментов не было. Их либо хранили где-то в другом месте, либо вывезли отсюда, когда закрывали рудник. После настойчивых поисков

мы все-таки нашли одну сломанную у обуха кайлу и небольшой молоток необычной формы, похожий на те, которые употребляют сейчас каменщики.

С уважением осматривали мы эти поистине музейные редкости. Я мысленно пытался представить себе около этих вещей измученных рабским трудом подневольных рабочих, обязанных буквально за гроши выполнять непосильные «уроки»... Присутствие моего юного товарища невольно напомнило о том, что наравне со взрослыми рабочими на откатке руды использовались, как их тогда называли, «малолеты», то есть дети. Каждый из таких «рабочих» был обязан за смену, а смена, между прочим, продолжалась не менее четырнадцати, а то и шестнадцать часов, откатать на пятьдесят метров сотню тачек, в каждую из которых наваливали больше шестидесяти килограммов породы. Малолетов использовали и при сборе рудных кусков, попавших в отвалы. Каждому полагалось в день разобрать не менее трехсот тачек...

Долго я не мог сообразить, для чего служили ящики с полозьями и необычные молотки. В конце концов решил, что в ящиках, по-видимому, перевозили руду зимой, а странной формы молотком откалывали рудные кусочки от пустой породы.

Одна из штолен, выходявших на шахтный двор, — та, где были свалены обломки инструментов, — являлась продолжением уже обследованной нами выработки и шла, по всей вероятности, параллельно склону реки. Третья же выработка располагалась перпендикулярно к предыдущим и, возможно, вела на поверхность земли. Этот подземный коридор был к тому же совершенно свободным, и мы повернули в него с сильно возросшей надеждой. Смущало только то, что не было видно никакого просвета. Но вход мог быть полузавален или закрыт кустами. Однако не пройдя и пятидесяти метров, мы уткнулись в почти верти-

кальную стену из рухнувшей сверху породы. Наши попытки разобрать преграду ни к чему не привели.

Нет ничего хуже разочарования после испытанной надежды... Новая неудача сильно поколебала наше самообладание. Как-то вдруг закружилась голова и неприятно запершило в горле. Нами все сильнее овладевало сознание, что шансов на спасение становится все меньше и меньше.

— Петрусь, не трусь! — произнес я с явно наигранной бодростью. — Не все еще потеряно, таких штолен на этом руднике немало — какая-нибудь из них наверняка выведет нас отсюда. Вперед, подземная гвардия!

Снова уже знакомый шахтный двор. Что же теперь делать: идти в заваленную старым рудничным инвентарем штольню или вернуться к первому тупику и пойти от него в другую сторону? Решили пойти по еще не проторенной дороге, преодолев баррикаду из старых тачек, салазков и трухлявых бревен.

Эта часть рудника оказалась менее богатой рудой. Часто в стенах виднелся уже не сплошной рудный пласт, а совсем мелкие слои, нередко линзы. Но, по совести говоря, я все меньше и меньше обращал внимания на все то, что нас окружало. Голова была занята одним: как выбраться из этой ловушки. Меня продолжала мучить мысль о том, что по моей вине может погибнуть мальчик. Ну кто меня дернул взять его под землю! Да и сам я не имел никакого права соваться в выработки бог знает какой давности. Безрассудное мальчишество какое-то! И все же, как ни крути, нужно непрерывно наблюдать за всем тем, что здесь встречается. Даже гибель не будет оправданием моей бездеятельности. Впоследствии нас все равно найдут и, перелистав мой полевой дневник, скажут, что я скис в первый же момент. «Нет уж, дорогой товарищ, — сказал я себе, — коли ты залез, куда тебя

не просили, так делай все, что тебе положено». После этого стал внимательнее присматриваться к пластам и прослойкам встречавшихся пород и хотя не очень подробно, но все же вел записи наблюдений.

Наше утомительное путешествие продолжалось. Ответвлений от штольни было очень много, но все пути, которые могли бы привести на поверхность земли, были прочно закрыты обвалами. Нам потребовалось не меньше двух часов, чтобы обойти все закоулки за шахтным двором. После этого мы быстро вернулись и, немного передохнув на мягкой истлевшей древесине, вновь поплелись к самой первой штольне, в которой начались наши трагические приключения.

Отсюда мы стали исследовать еще не изведенную до сих пор часть рудника, находящуюся по другую сторону от «Горла дьявола».

Этот фланг рудника оказался куда менее обширным, чем предыдущий. Его мы осмотрели довольно быстро, но, увы, опять с безуспешным результатом. Теперь уже не оставалось никаких сомнений в том, что мы были прочно и, может быть, навсегда замурованы в этом безмолвном подземном царстве.

Как ни неприятно об этом говорить, но мне хотелось упасть на песчаный пол и заплакать от обиды и сознания своей абсолютной беспомощности. Но... рядом со мной был мой юный товарищ. Его присутствие вынуждало меня не выдавать своей растерянности.

— Ну что ж, Петро, давай устраиваться на ночлег, ведь уж двенадцатый час ночи. Поужинаем — и на боковую. Не тужи, брат, завтра с утра еще раз осмотрим все повнимательнее — наверное, мы не заметили чего-нибудь при сегодняшней беготне. Да нужно будет еще обойти штольни, которые уходят в глубь горы.

Мы расположились недалеко от «Живого источника». Молча поели, отрезав граммов по пятьдесят

сала. Наш «хлебный запас» решили приберечь на завтра. Пустоту в желудках щедро залили холодной водой, хотя пить не хотелось совсем. Собрал всю нашу одежду, устроили подобие постели и улеглись, крепко прижавшись друг к другу.

Заснуть долго не давали беспокойные мысли, от которых нестерпимо болела голова. Не помогали и все известные способы поскорее заснуть. Петя тоже долго не мог успокоиться. Он ерзал, тяжело вздыхал и шмыгал носом, но, уснув, спал всю ночь без просыпу, только изредка что-то выкрикивал.

Начал было засыпать и я, но тут сквозь дремоту услышал какой-то звук, похожий на слабый стон. Сон как рукой сняло. Это еще что такое? Прошло несколько минут — кругом было тихо. Но вдруг продолжительный стон, значительно более громкий, чем в первый раз, отчетливо разнесся по подземелью. Кто это может быть? Человек? Чепуха! Какое-нибудь животное? Но какое? Неприятный холодок жег спину и корни волос. Почти не дыша, я переживал мучительные секунды и минуты, гадая — повторится ли этот странный звук вновь. Минуты через три снова раздался голос неизвестного существа. Только это был уже не стон, а жуткий вопль:

— А-а-о-о-и-и!

Что за чертовщина? С ума можно сойти! Только бы Петро не проснулся — перепугается. Почти с одинаковыми промежутками звуки все громче и громче повторялись. Переносить эту пытку дальше было невозможно...

Осторожно, чтобы не разбудить Петю, я отодвинулся от него, нащупал молоток, вынул из кармана фонарик и стал осторожно подкрадываться к тому месту, откуда исходили необъяснимые звуки. Правая рука крепко сжимала рукоятку молотка. Вот снова душераздирающий голос! Он доносился из небольшого

бокового углубления в штольне. Вытянутая рука, державшая фонарик, нащупала угол поворота в нишу, где находилось неведомое существо.

Раздался леденящий душу вопль...

Я выскочил из-за угла, включил свет и приготовился к любым неожиданностям. В первый момент мне показалось, что кто-то серый и полупрозрачный пронесся мимо меня, но стон не прекращался, исходя откуда-то с потолка. Луч фонарика осветил то место, откуда слышался этот отвратительный звук, и...

И ничего. Абсолютно ничего. Я стоял в недоумении, мелкой дрожью тряслись руки и ноги. Невидимка, что ли? Вот крик резко прекратился, но в ушах все еще звенело. Я продолжал стоять, не включая света, ожидая новой вспышки ненавистного звука.

Томительно тянулись минуты. Я отчетливо слышал гулкое биение своего сердца. Прошла минута, две, и крик снова разорвал тишину, почти оглушил меня. По-прежнему он исходил сверху, где совершенно ничего и никого не было видно. Оставалось одно — внимательно осмотреть потолок. После недолгих поисков в кровле выработки обнаружилась зияющая трещина шириной в два пальца, в которую сильно била струя воздуха. Сомнений быть не могло — это был своеобразный свисток и он-то и издавал жуткие звуки.

Пришлось принести сырой глины и залепить этот удивительный естественный звуковой аппарат, заставивший пережить столько неприятных минут...

На следующий день я проснулся первым. Взглянул на часы — шесть. Петя еще спал. Вставать не хотелось, торопиться было некуда. Тягостные мысли овладели мной. Может быть, совсем не вставать и не расходовать свои силы? Или еще раз попытаться поискать спасительную лазейку? Я почувствовал, что меня сковывает предательское равнодушие. Проснул-

ся и Петя, начал ворочаться с боку на бок. Мы долго лежали молча.

— Вставать будем, что ли, — спросил я, — или полежим часок, другой?

— Лучше пойдем ход искать, — с тоской ответил мальчик.

— Пожалуй, ты прав, дружище, следует походить, посмотреть. Встаем!

Мы сходили к «Источнику», без особого подъема умылись и сели завтракать. Довольно быстро уничтожив мизерные порции, вяло поднялись, не торопясь собрали свои пожитки и уже без всяких надежд начали новый обход наших владений. Да чу, право! Разве были мы владельцами этого подземелья? Не правильнее ли сказать, что мы являлись самыми настоящими пленниками темноты и камня.

Мы решили вначале обойти штольни, уходящие в гору, которые остались вчера неосмотренными. Некоторые из них были длиной до полутора-двух метров. От них отходили многочисленные короткие боковые коридоры — все они оканчивались тупиками.

Осмотр этих штолен быстро подошел к концу. Успев изрядно устать, мы присели отдохнуть у одного из бесчисленных обвалов. Чтобы как-то занять время, я через силу начал рассказывать Пете о своей жизни. Он внимательно слушал, кое-что даже переспрашивал. Не знаю, сколько прошло времени, я уже собирался кончать свою нудную болтовню, как вдруг Петя перебил меня:

— Дядя Миша, постойте-ка! Слышите?

Я напряг слух — ничего не доносилось до моих ушей.

— Что ты услышал, Петро?

— Да неужели вы сами не слышите? Прислушайтесь-ка получше... Ну?

— Хоть убей, нет. Что там тебе чудится?

— Честное слово, Шерлок лает! Не сойти мне с места — он!

— Ну и загибаешь ты, парень, — усомнился я. — Хотя подожди! Ведь слух-то у меня того... Я же бывший артиллерист... Ты, Петро, как слышишь — отчетливо или тебе, может быть, это просто кажется? Попробуй заткнуть уши.

— С заткнутыми ушами ничего не слышно, — доложил мне Петя.

— А ну, покричи его.

Петя начал громко звать Шерлока, потом замолчал и прислушался.

— Заливистее залаял — слышит нас, дядя Миша! Как это получается?

— Где он лает? — спросил я.

— Вверху где-то, вот с этой стороны, — и Петя показал на вершину осыпи, около которой мы отдыхали.

Я осветил обвалившуюся породу и начал пристально ее рассматривать. Сразу бросилось в глаза отсутствие крупных обломков и множество растительного мусора. Казалось, сюда специально приносили сор со всего рудника. Над обвалом не было, как обычно, куполообразного углубления, и вообще кровля выработки в этом месте не была разрушена. А если это...

Я бросился к обвалу, взобрался к потолку и начал торопливо разгребать дресву песчаника, перемешанную с растительной трухой.

— Эврика! Черт нас побери! Сейчас сам услышу Шерлока, сам услышу нашего прекрасного, сам услышу... — твердил я возбужденно, продолжая разгребать грунт.

— Что вы роете, дядя Миша? — ничего не понимая, спросил Петя.

— Лезь сюда! Помогай живее! Честное слово, мы вылезем сегодня из этого проклятого склепа!

Мои догадки оказались правильными — над нами находился колодец, ведущий на поверхность земли. Как я раньше не сообразил? Ведь известно же, что на каждом руднике есть несколько шурфов специально для проветривания подземелья. Мы напали как раз на один из таких «вентиляторов». Ствол шурфа хорошо сохранился, его только завалило осыпавшейся породой и разным мусором, попавшим сверху. Правда, мы не знали, глубокий ли колодец и насколько он засыпан. Но всё это казалось уже несущественным.

Петя рьяно помогал мне рыть и все время звал Шерлока. Я всё ещё не слышал ответного лая нашего пса. Да мне было и не до этого — работал, не жалея пальцев. Чем дальше, тем слежавшаяся осыпь становилась тверже и рыть становилось труднее. Сбегав на шахтный двор, мы принесли оттуда сломанную кайлу и допотопный молоток. Работа пошла быстрее. Вот, наконец, и я услышал чудесный и родной голос нашего верного друга. Судя по тому, что этот голос слышался очень слабо, рыть придётся еще много. Проход наверх получался узкий, одновременно вдвоем работать стало нельзя. Стали копать по очереди, сменяя друг друга через каждые две-три минуты. В результате полуторачасового труда удалось выкопать лазейку высотой метра в два. Когда же кончится эта осыпь? Мы уже обессилели от изнурительной работы. Хотели было на время бросить всё и немного отдохнуть, но тут моя рука проскочила в пустоту и сверху начал струиться слабый сиреневый дневной свет.

Радости нашей не было границ! Я схватил Петю и начал его трясти и мять — откуда и сила взялась! Громкое «ура» понеслось кверху, где ему радостно вторил Шерлок.

Быстро расчистив проход, мы выбрались на дно узкого и глубокого квадратного колодца. Устье его, находившееся примерно на высоте пятнадцати метров,

почти полностью закрывалось нависшими кустами. Сверху сыпалась земля — это наш спаситель пытался заглянуть в колодец, чтобы увидеть нас; он уже охрип от лая и теперь лишь беспрестанно скулил.

Мы не могли надышаться свежим, дурманящим воздухом. Как он отличался от затхлой и поистине могильной атмосферы подземелья!

Когда восторг первых минут спасения прошел, мы стали думать о том, как выбраться. Пятнадцать метров — дело не шуточное. Что предпринять? Ступеньки! Ну, конечно, нужно выдолбить в двух противоположных стенках небольшие углубления и при их помощи подняться наверх. Мы принялись за дело. Песчаник в стенках был довольно крепок, и работа подвигалась медленно, но это уже нисколько не беспокоило — радость жизни клокотала в нас, и мы работали не отдыхая. Гораздо труднее стало копать на высоте, когда пришлось стоять на приготовленных ступеньках в очень неудобном положении.

Все шло благополучно, и я уже поднялся метров на двенадцать. Но тут неожиданно положение осложнилось. Верхняя часть стенок оказалась рыхлой. Вследствие этого колодец сверху сильно расширился, упираться в противоположные стенки стало невозможно. Да и ступеньки получались непрочными. Можно было сорваться и разбиться. Но нас уже ничто не могло остановить. Я связал наши пояса и лямку, снятую с Петиного вещевого мешка, привязал к концу груз и после многих попыток набросил импровизированную веревку на одну из наиболее толстых ветвей нависшего кустарника. Сделав еще несколько ступенек, решил дальше подтягиваться на руках.

Предприятие это было очень опасное. Могла соскользнуть с куста веревка, мог не выдержать и сам куст. Следовало бы, наверное, послать вперед Петю—

он весил вдвое меньше меня. Но я не считал себя вправе вновь подвергать мальчика опасности.

Петю я заставил спуститься в штольню — если бы я упал с такой высоты, это грозило бы гибелью и ему. Дождавшись, когда белобрысая голова мальчика скрылась в норе, я начал рискованный подъем. Напрягая все свои силы, упираясь ногами в непрочные углубления, стал подтягиваться вверх. Ноги сползали вместе с крошившейся породой. Куст зловеще трещал, и казалось, что он либо вот-вот переломится, либо выдернется вместе с корнями. Вот кончились ступеньки, подниматься стало еще труднее.

Я посмотрел вверх — рядом с согнувшейся под моей тяжестью веткой свисала другая. Ещё одно невероятное усилие, еще... Веревка неожиданно резким рывком подалась сантиметров на двадцать вниз. Я застыл. Руки и ноги затекли от напряжения и страшной усталости. Полминуты без движения, ещё несколько судорожных усилий, и вот он — спасительный куст!

Выкарабкавшись наверх, я, совсем обессилевший, распластался на земле, прижался к ней щекой. Радость буквально душила меня — хотелось плакать и хохотать от счастья. Все вокруг сияло какими-то новыми, неузнаваемо яркими красками. Нежная голубизна неба, густая зелень леса, ажурные листья папоротника и как будто бы только что распутившиеся многочисленные цветы ласкали взор необъяснимо чистой красотой. Веселое и звонкое пение лесных птишек гармонично дополняло эту прелесть. Налетевший на меня Керлок норовил обязательно лизнуть в лицо и лаил теперь уже радостным заливающимся голосом.

Каюсь, на какие-то секунды я забыл даже о Пете.

Мое ликование было прервано его голосом, донесшимся со дна колодца.

— Дядя Миша, где вы? Почему молчите? Что там с вами случилось? Дядя Миша-а!

— Все в порядке, Петро! Я тут от радости ослонел. Лезь наверх, сейчас подам тебе веревку.

Петя был поднят без всяких осложнений. После того как он вдоволь накатался по траве с нашим мохнатым товарищем, мы решили пойти разыскать мешок. Голод не могла заглушить даже неизмеримая радость, прямо-таки распиравшая нас.

Но найти мешок с продуктами оказалось делом не простым. К своему удивлению, мы не узнавали местности, окружающей нас.

— Вот тебе раз! Куда же идти? Ты что-нибудь понимаешь, Петро? Где твое дерево, а?

— Надо Шерлока заставить показать нам то место. Шерлок! Где мешок? Хлеб, мясо, ням, ням! Понимаешь — еда, еда — где? — старался вразумить пса Петя.

Но Шерлок или не понимал или не хотел понимать, о чем идет речь. Он весело бегал и прыгал вокруг нас, вилял хвостом и всячески хотел показать, как он счастлив. Нам, однако, этого было мало.

— Эх ты, одурел от радости. Все же, где наш мешок, Петро? Странно, что место совсем незнакомое. И склон в другую сторону. Куда мы с тобой попали? Подожди-ка, сейчас по записям постараемся определить, где мы с тобой находимся.

Я вынул полевую книжку, в которой вел записи и зарисовки под землей, и начал соображать, где мы поднялись на поверхность. Получалось, что от того входа, по которому впервые вошли под землю, мы удалились на целый километр! Определив примерно, в какую сторону надо идти, двинулись в путь. Шерлок, видимо, понял, чего от него хотели, и побежал впереди, часто оглядываясь. Через несколько минут, перевалив через бугор водораздела, мы увидели знакомые высокие холмы, усыпанные обломками медной руды.

Вон серое пятно от нашего костра, а вон и желанный мешок на суку. Петя бегом припустил вперед и начал быстро взбираться по стволу дерева.

— Осторожнее, Петро! Силенка-то у тебя не то, что раньше, не сорвись!

Но Петя не обращал внимания на мои предупреждения. Он быстро влез на дерево, ловко снял мешок и собрался было спускаться вниз, но задержался, что-то внимательно рассматривая.

— Ну, что ты там застрял? Бросай его вниз — ничего с ним не случится!

— А его кто-то разорвал, и хлеба тут нет! Что же это такое, а?

Когда Петя спустился вниз, я увидел, что в мешке зияла огромная дыра. Хлеба, картошки, сухарей и концентратов, упакованных в бумагу, не оказалось. Невредимыми остались лишь мясные и рыбные консервы да сахарный песок, лежавший в железной банке. Кто-то воспользовался нашим отсутствием и бессовестно нас ограбил.

— Ты что же, Шерлок, плохо караулил наши вещи? — начал я выговаривать псу, виновато вилявшему хвостом. — В лесу, брат, рот не разевай — здесь немало охотников поживиться чужим добром. Впрочем, сами виноваты, надо было внизу оставить. Ты, наверно, и видел, как расхищали наши припасы, а сделать ничего не мог. Ну, да нам и оставшегося хватит с лихвой. Хлеб только жалко. Как мы о нем мечтали!

Мы быстро развели костер, вскипятили чай, подогрели консервы и наелись так, что даже в боках закололо. Шерлоку за его заслуги преподнесли здоровенный кусок сала.

Пришло время решать, что делать дальше. Я было хотел уже объявить о предстоящем походе домой, но вовремя вспомнил наказ профессора — обязательно

собрать образцы. А ведь мы не вынесли из-под земли ни одного образца, ни одной пробы, если не считать окаменелой рыбы.

— Знаешь, Петро, придется мне спуститься в штольню за пробами руды. Давай-ка, пойдем быстрее, может, тогда успеем сегодня же отправиться домой.

Петя недовольно поморщился, но возражать не решился — задание есть задание. Мы двинулись к тому шурфу, через который всего два часа назад выбрались на свободу. По пути подошли к входу в злополучную штольню. Метра на четыре вход был свободен, дальше темнела покатаая стена обвала.

Второй раз я, по понятным причинам, спускался под землю без особого удовольствия. В голову лезли разные доводы, сославшись на которые можно было отказаться от опасного предприятия. Однако у меня все же хватило мужества отклонить все «уважительные» причины. С помощью веревки, привязанной к стволу деревца, я спустился на дно шурфа.

Петю я очень тщательно проинструктировал на случай несчастья. Если со мной что-нибудь произойдет, он должен быстрее идти домой и сообщить о случившемся своим родным.

И вот я опять в затхлой атмосфере подземелья, но теперь уже один. Чтобы не возвратиться раньше времени, я еще наверху поставил перед собой задачу — взять не менее семи проб из разных концов рудника. Каждая проба занимала не менее получаса. Молотком и топориком приходилось выдалбливать широкую борозду от самого потолка до дна выработки. Под стенку подстилался плащ, на который падала отбитая порода. Все это делалось в темноте — долбить песчаник и одновременно светить фонариком было невозможно.

Сказывалось двухдневное нервное перенапряжение. Мне все время казалось, что каменный потолок

вот-вот рухнет. Временами я отчётливо чувствовал, что земля под ногами вздрагивает — хотелось тут же бросить все и бежать к спасительному выходу. Сейчас совестно вспомнить об этом, но вышел я к шурфу не с семьёй, а всего лишь с тремя пробами. И только когда выкарабкался через нору на дно шурфа, почувствовал такие угрызения совести, что снова вернулся. В отместку за свою слабость пошел за пробами в самые отдаленные и укромные уголки рудника. В конце концов я отобрал восемь рудных проб.

Когда я вернулся к Пете, стрелки часов приближались уже к шести вечера. О немедленном выходе не могло быть и речи. Оставалось переночевать на месте, а с утра выйти в путь, чтобы к концу дня добраться до Степановки. Я еще раз осмотрел отвалы и многочисленные обвалившиеся выработки. После этого вернулся к костру и стал рассматривать образцы, собранные на поверхности и в руднике. Мне показался странным цвет того куса песчаника, на котором был отпечаток рыбы. Порода отливала какой-то тусклой свинцово-серой желтизной. Я капнул на нее соляной кислотой, а потом на всякий случай — образец был внешне явно нерудный — брызнул на сырое от кислоты пятно аммиачным раствором. К моему неописуемому удивлению на сером песчанике появилась яркая зелень. Что за чудо, медная руда! Да и по весу чувствуется, что это не обычный песчаник. Но почему же тогда он не окрашен в зеленый или синий цвет? Новая загадка! Было нал чем поломать голову.

Решение появилось неожиданно. Вспомнилось, что читал где-то о встречающейся вместе с малахитом и азуридом руде, состоящей из медного блеска, или, как его еще называют, халькозина. Его цвет — как раз свинцово-серый. Сразу стало понятно, почему отвалы здешнего рудника богаты рудой. В те времена, по всей вероятности, еще не знали об этом типе руды, а добы-

вали только ярко окрашенную. Эту же невзрачную рудную породу, гораздо более богатую, чем малахитово-азуритовая, незаслуженно отбрасывали в отвалы. Влага и воздух действовали на халькозин, и он постепенно превратился в медную синь и медную зелень. В те годы, когда к отвалам приходил дед Никиты Митрофановича, руда была еще свежая, она сохраняла свою прежнюю скромную окраску. К тому же времени, когда остатки этого рудника видел сам Никита Митрофанович, весь халькозин претерпел чудную метаморфозу и отвалы приобрели теперешний облик.

Наступил вечер. Солнце спряталось за верхушками деревьев. Сидеть у костра было невыразимо хорошо. Слабый жар раскаленных угольков приятно обдавал домашним теплом. Я чувствовал себя так, как, вероятно, чувствовал себя каждый, кто выполнит нужное и трудное дело. Хотелось сделать что-то еще более значительное, связанное с еще большими опасностями и невзгодами. Всем своим существом испытывал я ту счастливейшую невесомость, когда ничего не болит и ничто не тревожит.

Петя лежал рядом, облокотившись на мешок, и, не двигаясь, пристально смотрел через костер куда-то вдаль. Шерлок спал тут же, свернувшись в клубок. Видно было по всему, что и мои товарищи пребывают в прекрасном расположении духа...

Два дня спустя я благополучно прибыл в партию. Рассказал о своих приключениях товарищам и написал подробный отчет Николаю Петровичу. В письме изложил предложения о более тщательном изучении осмотренного нами с Петей громадного рудника, высказал мнение, что поблизости от такого крупного месторождения обязательно должны быть и другие значительные залежи.

Но не суждено было получить ответ на это письмо. До нас сначала дошла неприятная весть: профессор

тяжело болен. А ещё через несколько дней мы узнали о смерти нашего учителя и близкого друга.

Отсутствие руководителя и вдохновителя работ сразу сказалось. Несмотря на то, что по проекту наша партия должна была работать и на следующий год, пришлось закончить свою деятельность, еле завершив летний полевой сезон. Итоги наших исследований оказались недостаточными — удалось сделать лишь кое-какие предварительные и самые ориентировочные выводы.

Много воды утекло с тех пор. Я уже давно окончил университет, работал во многих местах Прикамья, но и до сих пор живо интересуюсь медной рудой. Смотрел медные залежи в других районах Пермской области, перечитал сотни книг и ещё больше уверился в том, что обязательно надо возобновить добычу наших руд. Не сомневаюсь, что настанет время, когда на тех местах, где наши прадеды одной кайлой добывали славу русскому горному промыслу, возникнут рудники и заводы, оснащенные самой передовой в мире техникой. Пермский край, дающий нашей стране громадные количества соли, нефти, газа, каменного угля и других богатств, подарит Родине многие тысячи тонн знаменитой чистой «штыковой» меди.

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Вышли из печати:

А. Домнин, «Дикарь».

М. Заплатин, «На гору каменных идолов».

А. Ромашов, «Лесные всадники»,

Ю. Вылежнев, «На лосях».

Николай Исакович Чернышев

ЗАПАДНЯ

Редактор *А. М. Граевский*

Художественный редактор *М. В. Тарасова*

Технический редактор *А. М. Сычкин*

Корректор *Л. К. Каширина*

Бумага 60×84 ¹ / ₁₆	Подписано к печати 30 XI 1959 г.	
ЛБ18313	1,75 бум. л. 3,5 печ. л.	Уч.-изд. 2,5 л.
	Тираж 90 000 экз. (00001—45000)	Цена 75 к.

2-я книжная типография облполиграфиздата.
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак 1238.